

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТ-СОВРЕМЕННОСТИ С. ЖИЖЕКА

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
ул. Кальварийская 9, 220004, Минск,
Республика Беларусь
e-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Осуществлен анализ концепции пост-современности словенского философа С. Жижека. Раскрыта сущность основной идеи этой концепции – идеи разрыва, под которой понимается, во-первых, изначальность антагонизма в социальной реальности и несовпадение Реального и реальности; во-вторых, разрыв между абстрактной универсальностью и фактом общественной жизни; в-третьих, сокрытие разрыва посредством идеологии как власти языка и воображаемого; в-четвертых, имплицитное функционирование идеологии как системного насилия, скрывающегося за проявлениями субъективного насилия; в-пятых, теневая природа власти и закона. Разрешение проблемы разрыва пост-современности, согласно мысли С. Жижека, видится в революционном действии.

Ключевые слова: постсовременность; системное насилие; субъективное насилие; символическое насилие; идеология; действие.

THE CONCEPT OF POST-MODERNITY BY S. ZIZEK

I. N. Sidorenko

Belarusian State University,
Faculty of Philosophy and Social Science,
Kalvariskaja Str. 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: Iri_na2000@rambler.ru

The analysis of the concept of post-modernity by Slovenian philosopher S. Zizek is carried out. The essence of the basic idea of this concept is the idea of the gap, which is understood, firstly, the primacy of antagonism in social reality and the gap between the Real and the reality; secondly, the gap between the abstract universality and the fact of social life; thirdly, the concealment of the gap by ideology as the power of language and the imaginary; fourth, the implicit functioning of ideology as a system of systemic violence, it is hiding behind the manifestations of subjective violence; fifth, the shadowy nature of power and law. According to S. Zizek, the revolutionary action is the solution of the problem of gap of the post-modernity.

Keywords: post-modernity; systemic violence; subjective violence; symbolic violence; ideology; action.

Словенский философ Славой Жижек является представителем постмарксизма, осуществившим синтез идей марксизма, неофрейдизма и структурализма. Симпатии к марксизму определили собственные политические взгляды и позицию С. Жижека. Близость идей словенского мыслителя к марксизму раскрывается в его концепции пост-современности

и теории идеологии, трактовке классов и пролетариата в трансформирующейся социальной реальности, а также установке на необходимость радикального действия.

В основе его концепции пост-современности лежит идея разрыва, суть которой заключается в том, что антагонизм изначален в социальной реальности и проявляется в несовпадении сущего с самим собой, или, по выражению С. Жижека в «гримасе Реального». Идея разрыва отсылает нас к анализу товарного фетишизма в марксизме: в мире, где господствует обмен товарами, человек относится к себе как к объекту, как к условному воплощению абстрактно-универсального понятия. Сущностью пост-современности является превращение «абстракции» в проявление настоящей социальной жизни в условиях глобальной рыночной экономики, т. е. универсальность становится универсальностью «для себя», что в свою очередь приводит к появлению индивида, лишенного своего места в социальном поле. «Следовательно, – как пишет С. Жижек – способ, каким проявляет себя абстрактная универсальность, ее вторжение в реальное бытие рождает насилие: она насильственно разрывает предшествующую органическую стабильность» [3, с. 117].

Для понимания пост-современности, с точки зрения С. Жижека, «марксистской герменевтики» уже не достаточно, необходимо ее дополнить «гегельянским ходом»: «обнажением универсальности того, что кажется конкретным» [3, с. 120], что словенский мыслитель и делает в критике таких концептов, как капитализм, демократия, либерализм, права человека и т. п. Так, например: «Капитализм не просто универсален в себе, он универсален и для себя, он – громадная, подлинно разъедающая сила, которая обрекает на гибель все конкретные жизненные миры, культуры, традиции, кромсает их на куски, втягивает в свой смерч» [3, с. 121]. Что касается универсальности прав человека, то здесь либеральная идеология так же заходит в тупик: универсальность «затмевает» конкретику, в силу чего определенный человек просто не может вписаться в образ его универсальной природы, а значит, оказавшись в ситуации необходимости защиты, он не подпадает под ее действие. Это и есть разрыв между идеологической видимостью всеобщей правовой формы и частными интересами, между Реальным и реальностью нашей жизни. Так универсальность превращается в идеологически окрашенный фантазм.

В «пост-идеологическую» пост-современную эпоху именно идеология через власть языка как господства означающего скрывает наличие разрыва, и мы существуем в обществе тщательно скрываемой травмы. Однако в пост-современности идеология уже не выступает в качестве «ложного сознания», потому что невозможно отделить реальность от ее идеологической составляющей. «Чтобы увидеть истинную природу вещей, нам нужны очки: но это не означает, что мы должны снимать очки, чтобы увидеть реальность, как она есть – мы от природы находимся «внутри» идеологии, это наше естественное

восприятие» [4, с. 20]. В силу этого, функция идеологии пост-современности заключается в формировании «незнание знания»: я знаю, как обстоят дела на самом деле, но я не хочу этого знать. Отсюда двойственная природа идеологии: с одной стороны, это что-то интимное и спонтанное, пространство повседневного, с другой – система, которая легитимизирует существующие отношения господства [6].

С. Жижек выстраивает концепцию триединства насилия: объективного системного (неявного), субъективного (явного) и символического (воплощенного в языке и культурных формах). Имплицитное функционирование идеологии в пост-современную эпоху позволяет не только осуществляться системному насилию, но и оставаться в тени субъективного насилия. Идеология обладает чертами неявного системного насилия: невидима, воспринимается как система очевидностей, анонимна. Определение того, что считается насилием, зависит от некоего стандарта, т. е. субъективное насилие воспринимается как таковое лишь «на фоне ненасильственного нулевого уровня», оно кажется нарушением «нормального» положения вещей. Наивысшей формой насилия выступает насаждение этого образца или уровня «нормы». Отсюда, системное насилие – это не просто «катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических институтов», но оно само присуще «норме» [3, с. 6]. Навязывание «внеидеологического» социального стандарта является существенной характеристикой пост-современности. Все, что выходит за пределы «нормы», определяется как проявление фундаментализма, фанатизма и т.п. Таким образом, пост-современность инициирует борьбу с субъективным насилием для отвлечения внимания от системного насилия.

Язык, согласно мысли С. Жижека, является неотъемлемым элементом системного объективного насилия и идеологии пост-современности. Для нас привычно представление о языке и символической реальности как о пространстве примирения и мирного сосуществования, отличающееся от среды непосредственного физического насилия. Вместо прямого совершения насилия в языковой символической среде мы обсуждаем и обмениваемся мнениями. Разговор как отказ от насилия характеризует суть человеческой природы. А если человек способен к насилию именно потому, что способен говорить? Вспомним утверждение Г. Гегеля о том, что в самой символизации вещи, равной ее умерщвлению, содержится уже нечто насильственное. Другими словами насилие языка осуществляется через упрощение называемой вещи, через разрушение ее единства. Язык помещает ее в область значения, которая является внешней по отношению к ней. Таким образом, вербальное насилие предстает не как вторичное искажение, а как основное средство человеческого насилия. Власть языка навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в его основе. Исходя из этого, ошибочно было бы рассматривать пространство языка как

пространство ненасилия. Ж. Лакан выразил эту насильственную природу языка в понятии «господствующего означающего», которое упрощает и тем самым объединяет символическое поле [5]. Реальное пространство дискурса основывается на насильственном насаждении господствующего означающего, которое часто невозможно обосновать доводами. Таким образом, «существует прямая связь между онтологическим насилием и структурой социального насилия (поддержанием отношений принудительного господства), присущей языку» [3, с. 58].

С. Жижек, используя словарь Ж. Лакана, определяет идеологию как «некое диалектическое новообразование на теле языка, его симптом» [1, с. 27–28]. Идеология структурирует действительность, используя «идеологические фантазмы» или «точки пристежки», которые позволяют нам действовать так, как будто антагонизма не существует. Идеология, опираясь на самую суть субъекта и его желание, превращается в неизбежность. Идеологические фантазмы выполняют функцию интеграции посредством конструирования образа врага. Процедура «опознания врага» позволяет выявить, т. е. сконструировать, его «истинное» лицо. Именно такая роль идеологии позволяет С. Жижеку говорить о плюралистических и терпимых либеральных демократиях как о «шмиттовских»: «они продолжают основываться на политической *Einbildungskraft*, чтобы запастись соответствующей фигурой, которая сделает видимым невидимого Врага» [2, с. 124]. Отсюда, биополитика пост-современности не преодолела необходимость идеологической борьбы, несмотря на то, что она сосредоточена на управлении по регулированию безопасности и благополучия; ее «с головой» выдает осуществляемая ее «политика страха».

С другой стороны, помимо врага, «точкой пристежки» идеологического пространства постсовременности выступает Другой и его «травматическая близость». Толерантность из активной позиции принятия инаковости Другого и терпимого отношения к чужому образу жизни, обычаям, верованиям, трансформируется в пассивную позицию дистанцирования от Другого. Толерантность либерального общества в действительности оказалась инструментом удержания Другого на расстоянии и его отчуждения, тем самым подтверждая право человека не быть объектом вторжения и агрессии, т. е. быть на безопасном расстоянии от других. Таким образом, толерантность, порожденная мультикультурализмом и политкорректностью, из инструмента отчуждения Другого, превращается в политический инструмент отвлечения людей от реальных проблем и может быть представлена как частный случай политики страха, основанной на манипулировании параноидальной толпой. Сложившуюся ситуацию С. Жижек справедливо определяет как «ассиметрию толерантности», воспроизводящую парадокс Сверх-Я: «чем больше ты подчиняешься тому, что требуют от тебя другие, тем тяжелее твоя вина. Выглядит так, словно чем терпимее вы относитесь к исламу, тем сильнее он будет давить на вас» [3, с. 90]. Поэтому

современный толерантный либерализм можно определить как опыт Другого, лишенного своей инаковости.

Разрыв постсовременности С. Жижекком иллюстрируется и через разрыв власти и закона. Закон не опирается ни на высшие инстанции, ни на рациональное соглашение, вообще ни на что, кроме акта своего провозглашения. Поэтому у нас нет никакого рационального основания ему подчиняться. В то же время, власть через «политику страха» требует немедленного подчинения, поощряя ложное чувство безотлагательности: у нас не остается времени для размышлений, мы должны действовать прямо сейчас. Эта ложная реактивная безотлагательность проявляется, во-первых, в видимости свободы выбора, который на самом деле принудителен, т. е. можно выбирать что угодно, но только при негласной установке, что выбор будет сделан правильный; во-вторых, изменения в производстве сопровождаются «летаргией» политической сферы, в силу чего акция подменяется реакцией, что позволяет говорить о том, что эпоха политических действий завершилась; и в-третьих, немедленное действие исключает возможность мыслить, а значит нести личную ответственность. Именно поэтому С. Жижек утверждает, что «угроза наших дней – не пассивность, но псевдоактивность, требование «быть активным», «участвовать», прикрывать Ничтожество происходящего» [3, с. 165].

Разрешение проблемы разрыва постсовременности С. Жижек, ссылаясь на В. Бенямина, видит в божественном насилии, под которым понимает разрушение власти Закона как диктата Реального Капитала над реальностью. Область божественного насилия – это область суверенности, где происходит очищение от закона в акте чистого революционного действия, которое, будучи осмысленным, способно противостоять системному насилию. Первый шаг к этому революционному действию осуществляется посредством отказа от безотлагательного действия и погружение в молчание, что дает возможность остаться один на один с собой, а не под сенью Большого Другого, и осуществить акт мысли, следовательно, совершить подлинно политическое действие.

Библиографические ссылки

1. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / Славой Жижек. – М. : Художеств. журнал, 1999. – 236 с.
2. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Славой Жижек. – М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
3. Жижек, С. О насилии / Славой Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.
4. Жижек, С. Чума фантазий / Славой Жижек. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. – 388 с.
5. Лакан, Ж. Семинары: в 20 кн. Книга 17. Изнанка психоанализа / Жак Лакан. – М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос», 2008. – 272 с.
6. Корецкий, В. Славой Жижек: «Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает» [Электронный ресурс] / В. Корецкий, Д. Рузаев // Colta.ru. – Режим доступа: <http://archives.colta.ru/docs/20836>. – Дата доступа: 12.01.2016.